

ПО СТРАНИЦАМ БИОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ПЕТНИКОВА. ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

ON THE PAGES OF GRIGORY PETNIKOV'S BIOGRAPHY. EPISODIC NOTES ON THE POET'S LIFE AND CREATIVE ACTIVITY

R. Tatarintseva

Summary: Main periods of life and creative activity of the outstanding Russian poet of the XXth century Grigory N. Petnikov (1894-1971) are described in the article, originally – “the futurist of the second call”, the second global President, whose creative activity both as a poet and a translator has obvious historic and literary significance.

Substantial part of the notes is a response to the academic biography of the poet, published in 2019, which has become a significant contribution to the Russian literary study of the newest time, and appreciation of Aleksei Timirgazin's work, a scrupulous researcher and the author of the poet's biography.

Keywords: futurism, word-making, biography, literary translation, epistolary heritage, folklore, research, tercet.

Татаринцева Регина Игоревна

*Преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
regina_tatarinceva@mail.ru*

Аннотация: В статье описаны основные периоды жизни и творчества видного русского поэта XX века Григория Николаевича Петникова (1894-1971), изначально – «футуриста второго призыва», второго Председателя земного шара, чья литературная деятельность как поэта и переводчика на всём её протяжении имеет не только несомненный художественный интерес, но и важное историко-литературное значение.

Содержательной частью заметок является отклик на академическую биографию поэта, изданную в 2019 году и ставшую значительным вкладом в русское литературоведение новейшего времени, как и высокая оценка труда Алексея Тимиргазина, скрупулёзного исследователя и автора биографии поэта.

Ключевые слова: футуризм, словотворчество, биография, литературный перевод, эпистолярное наследие, фольклористика, исследование, трёхстишия.

В различных статьях, литературных воспоминаниях и публикациях последних трёх десятилетий нередко появляются интересные свидетельства и ценные историко-литературные материалы, касающиеся жизни и творчества талантливого русского поэта, переводчика и даже издателя Григория Николаевича Петникова (1894-1971), по праву считавшегося столетие назад главой харьковских футуристов, а после смерти в 1922 году близкого друга, Велимира Хлебникова, ставшего вторым Председателем земного шара. Этот почётный футуристический титул он с достоинством, хотя – в силу общественно-политической ситуации в стране во второй половине 1920-первой половине 1950 годов – и подспудно, нёс всю жизнь, успев незадолго до кончины передать его Леониду Николаевичу Вышеславскому, ставшему Предземшара-3.

Родившись в Петербурге, своё детство и юность Григорий Петников провёл в Харькове, потому что родители служили на Северо-Донецкой и Южной железных дорогах. Окончил 3-ю Харьковскую классическую гимназию, затем продолжил образование на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Московского университета. Этот выбор впоследствии долго определял его подчёркнутый интерес к фольклористике, славянизмам, слововедению и поэтическому словотворчеству. Своё образование из-за болезни завершил в Харьковском университете, окончив юридический факультет.

Судьбоносное значение имело для Петникова сближение с Николаем Асеевым – в апреле 1914-го в Харькове, а в 1916-м там же – с Велимиром Хлебниковым. Летом 1915-го, в Москве, – с Владимиром Маяковским [6, 25]. Первые стихи Григория Петникова предстали читателям в двойном сборнике «Леторей», изданном вместе с Асеевым в 1915 году в харьковском издательстве «Лирень», созданном в 1914 году этими авторами и ровесником Петникова харьковским поэтом Божидаром (Богданом Гордеевым, 1894-1914) при основанной тогда же и ими же одноимённой литературно-издательской группе поэтов и художников левого направления. «Петников активно входит в литературную жизнь, в 1914-м он знакомится и сближается с Борисом Пастернаком, несколько позднее – с Сергеем Бобровым, Тихоном Чурилыным, участвует во «Втором сборнике Центрифуги» (1916)» [7, 549].

Как отмечают специалисты, подчёркнутые поиски и опыты харьковского поэта в сфере словотворчества активизировались именно после сближения его в 1916 году с Велимиром Хлебниковым [8, 715]. Одновременно Петников становится не только издателем, но и редактором его произведений. Нелишне знать, что, «руководимое Петниковым, издательство «Лирень» существовало до 1922 года» [7, 549] и выпустило около двадцати книг разных авторов [7, 549], на титульных листах которых обозначалось вымышленное место их издания – обычно

Москва или Петроград. Излишне говорить, что весь период своего существования это харьковское товарищеское издательство деятельно работало на молодых поэтов русского футуризма, и, конечно же, – эпатажность их книг и громыхание манифестов.

Вобрав в себя все радости и невыносимые невзгоды своего века, творческая жизнь Григория Петникова охватит чуть более 55 лет, двадцать из которых поэт открыто и честно назовёт в 1956-м пропащими годами...

В конце мая 2019 года в феодосийском Издательском доме «Коктебель» вышла из печати очень приметная и объёмная монография – «Узорник ветровых событий: Поэт Григорий Николаевич Петников» [6]. Автором её предстал весьма известный читателям в последнее десятилетие крымский историк и литературовед Алексей Тимиргазин. Большая, хорошо иллюстрированная редкими фотографиями, книга эта сразу стала заметным событием для определённого слоя современников, на разных уровнях интересующихся историей русской словесности тех или иных периодов, а в первую очередь, конечно же, – XX столетия.

Полиставая новую книгу – академическую, смеем сказать, биографию известного поэта, невольно задаёшься мыслью: кто из русских футуристов имеет такую биографию? Ответ приходит сразу: – немногие! Понятно, что Маяковский, после директивной оценки Сталина ещё в 1930-е, ставший сразу и вдруг самым-самым в тогдашней поэзии, что сполна соответствовало реалиям обозначенной эпохи, и Хлебников, – шаг за шагом – в последние лет тридцать пять, – просто не в счёт. Здесь всё понятно! Кто ещё? Наверное, лишь Василий Васильевич Каменский! Но как же негромко и вообще поверхностно! В давней ещё биографической монографии Савватия Гинца «Василий Каменский», изданной в Перми в 1974 году. Тогда, впрочем, это было большим событием!

В биографии Петникова, написанной Алексеем Тимиргазиным, – первой и единственной, какой она и останется на многие десятилетия вперёд, если вторая вообще когда-нибудь появится, что скорее просто риторично, – всё обстоит иначе. Это именно научная биография известного и интересного русского поэта: с ёмким справочным аппаратом книги, вобравшим в себя четыре сотни отсылок и многострочных примечаний комментария, интереснейшего самим по себе неизвестными, малоизвестными, недоступными и редкими источниками текста, в первую очередь – в научно-справочном отношении; его документальными реалиями и всем прочим, чему и подобает там быть; полным именованным указателем, лаконичной и точной в своей представительской ёмкости справкой об авторе книги, ну и – не в меньшей степени – авторским предисловием к этой солидной книге, конечно...

Выразительнее говоря, когда в длинном книгопродавческом ряду мелькает вдруг книга, с обложки которой её герой смотрит на нас своим портретом 1920 года работы блистательной Зинаиды Серебряковой, а на фронтисписе – ещё и Юрия Анненкова, 1917-го, – это не может не остановить внимание мало-мальски просвещённого современника. Именно в этом ряду – книга Алексея Тимиргазина о Григории Николаевиче Петникове, вышедшая в издательской серии «Портрет мастера» четвёртым её выпуском.

Биография поэта, представшая теперь обстоятельной книгой, весьма объёмна. Издание включает в себя в пятнадцать глав, выстроенных по хронологическим периодам его жизни и творчества, и открывается авторским «Прологом», иначе говоря – предисловием, содержательно важно охватившим пять страниц. Кроме того, в структуру книги введён раздел «Из творческого наследия» поэта [6, 268-323], представивший современному читателю ряд программных манифестов русского футуризма, среди авторов которых, безусловно, значится Григорий Петников, и стихи поэта разных десятилетий, отражающие его мировоззренческую и творческую эволюцию, диктовавшуюся, в том числе, и реалиями беспощадного времени. Следом – переводы немецких, французских, польских, испанских, древнегреческих, американских и китайских поэтов... Как и подобает документальному исследованию, издание завершается рядом указателей, среди которых – «Произведения Григория Петникова, опубликованные в книге», «Принятые сокращения», «Именной указатель», а главное – упомянутые выше «Комментарии». И они, действительно, имеют самостоятельное значение – и исследовательское, и источниковедческое, и именно познавательное.

Читателям и почитателям, неплохо знающим творчество Григория Петникова, интересовавшимся и интересующимся жизнью поэта, давно известно, сколь мала источниковедческая база, связанная с его именем. Иначе говоря – очень ведома им немногочисленность печатных статей и материалов, архивно-документальных свидетельств, мемуаристики и эпистолярного наследия, связанных с этим русским поэтом. Монография Алексея Тимиргазина доказательно опровергает устоявшееся мнение.

Его исследовательская работа над биографией Григория Петникова, начавшись в 2003 году – в период работы автора в Литературно-художественном музее города Старый Крым, растянулась ровно на полтора десятилетия. И «эти годы были наполнены целенаправленными поездками в Киев, Харьков, Санкт-Петербург, разные крымские города, общением с интересными людьми. В различных государственных и личных архивах и библиотеках удалось выявить неожиданно много документов, материалов и печатных источников, связанных с Петни-

ковым», – отмечено в авторском предисловии к книге [6, 8]. И конечно, главным приобретением автора «в эти годы была сама своеобразная и необычная поэзия Петникова». Он «настолько свыкся с его оригинальными и ёмкими поэтическими образами, что самым естественным образом названия некоторых стихотворений или поэтические строки поэта превратились в названия глав» книги [6, 8], как, подчеркнём лишний раз, и сам лад её фольклорно звучащего своим настроением названия «Узорник ветровых событий», не очень принятый по ряду монографий.

Смеем заметить, что не меньшим познавательным приобретением станет эта книга и для читателей, неся им не только бесцётные открытия в биографии поэта, но и немало историко-литературных тоже.

Для полноты хронологии, связанной с пятнадцатилетием работы автора над биографией Петникова, уточним заинтересованным читателям, что её промежуточным этапом стала книга Алексея Тимиргазина «Планета поэтов. Биографические очерки: Киммерия Григория Петникова. Век Леонида Вышеславского», увидевшая свет в Киеве в 2013 году и посвящённая, соответственно, второму и третьему Председателям земного шара. Уточним также, что «Киммерия» – это прочно устоявшееся со времени Максимилиана Волошина название части Восточно-Крымского побережья, связываемое обычно в художественно-творческом отношении с пространством от Феодосии до Судака. Поскольку именно в этом ареале – в Старом Крыму – прошли последние без малого полтора десятилетия (1958-1971) жизни и творчества Григория Николаевича Петникова, имя его особенно дорого обитателям этих мест, а значит – современным «киммерийцам».

«Прожив последние годы своей жизни в Старом Крыму, по соседству с древней Феодосией и легендарным Коктебелем, и пережив там новый расцвет своего поэтического таланта, поэт Григорий Петников стал неотъемлемой частью поэтической страны под названием «Киммерия». Многие созданные там поэтические строки могут по праву считаться поэтическими символами Киммерии, соседствуя в этом своём качестве с произведениями Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой», – подчеркнул автор в предисловии к своей книге [6, 8].

В главе «Основа», ставшей первой в «Узорнике...», плохо реконструирована родословная поэта. Отец – давними корнями из бунтарей Стрелецкого бунта. Мать – из рода польских революционеров Краевских, участников Польского восстания 1863-1864 годов. Отец Григория Николаевича – Николай Иосифович, родился в Харькове, окончил железнодорожное училище, затем Елисаветградское военное кавалерийское училище. Мать

– Эвелина Людвиговна – родилась в городе Ахтырке, окончила с золотой медалью Харьковскую Мариинскую женскую гимназию, училась на юридических курсах в Харькове. Как уже отмечалось, родители работали на Северо-Донецкой и Южной железных дорогах [6, 11-12]. У них-то – по обстоятельствам жизни тогда в Санкт-Петербурге – и родился 25 января (6 февраля) 1894 года сын Григорий, ставший третьим ребёнком в семье, чьё детство, юность, да и литературное становление прошли в Харькове, крупном губернском центре Российской Империи, университетском для полноты картины городе.

Начало творческого пути Григория Петникова можно отнести к 1914 году, когда «он издал свою первую книгу переводов из Новалиса „Фрагменты“. „Петников выпустил Новалиса и работал над исследованием корней русского языка“, – писал Хлебников в статье „Ляля на тигре“ в конце 1916 года. Об этой книге переводов одобрительно отозвался Константин Бальмонт. В письме от 11 марта 1916 года он писал своей жене: „Ко мне приходил в Харькове милый и любопытный юноша – поэт Григорий Петников. Он подарил мне свой перевод «Фрагментов» Новалиса. Достань себе у Карбасникова [издатель. – Р.Т.] (70 к.), ты будешь очень наслаждаться. Я поражаюсь, как я близок к Новалису. Я сделал Петникову надпись на экземпляре „Звеньев“: –

Я вовлечён в такие звенья,
Что, если встретимся с тобой,
В душе обоих будет пеньё
Из той же сказки голубой» [6, 19-20].

Символично, что своей первой книгой Григорий Петников выступил как литературный переводчик. Эта твёрдая грань творчества будет присутствовать в его жизни всегда, а в беспросветное двадцатилетие – с 1936-го – станет именно источником существования поэта. Ведь на страну, как подчеркнул автор биографии поэта, надвинулись роковые события, «самым решительным образом изменившие судьбы миллионов людей и, в том числе, значительно повлиявшие на жизненный путь Григория Петникова и друзей его юности» [6, 20]. Об этом, впрочем, несколько ниже...

За период своей творческой работы – с 1915 по 1971 годы – Петников стал автором полутора десятков своих поэтических сборников. Его последняя книга – «Пусть трудятся стихи» – была издана в Симферополе в 1972 году [5], представ прощальным поклоном поэту...

Говоря о его авторских – не переводных – книгах, следует отметить, что в уникальном коллекционном собрании А.К. Тарасенкова (1909-1956), «выдающегося знатока русской поэзии и неутомимого собирателя русских поэтических книг», издававшихся в XX веке, имелись девять сборников Григория Петникова: от первого – «Поросль

солнца», изданного «Лирнем» в 1918-м, до – «Стихотворения» (Киев, 1935). Ну и, конечно, вышеупомянутый нами двойной сборник Асеева-Петникова «Леторей» (1915). Все они зафиксированы в знаменитом и бесценном указателе – «Тарасенков Ан. Русские поэты XX века. 1900-1955: Библиография», изданном в Москве «Советским писателем» в 1966 году. Из него же явствует, что сборник «Ночные молнии. 4-я книга стихов» поэта был издан в 1928 году знаменитым ленинградским издательством «Academia» – издательством исключительно элитарным и более чем разборчивым в своём текущем и программном книжном репертуаре. Заметим, что тогда же, в 1928-м, и в этом же издательстве увидела свет и книга Генриха фон Клейста «Михаэль Кольгаас» в переводе Григория Петникова. Такое издательское внимание более чем красноречиво выражает профессиональную оценку и поэта, и переводчика...

Говоря о довоенных книгах поэта, отметим, что упомянутый киевский сборник «Стихотворения» (1935) можно «по праву» считать именно этапной книгой поэта, потому что следующая придёт к читателям лишь в 1961 году – четверть века спустя... Придёт в Симферополе, из Крымиздата, под сокровенным и выстраданным названием «Заветная книга!» Придёт, возвращая, если не воскрешая, имя поэта, в том числе и специальной биографической справкой автора на трёх страницах в конце этого издания. Придёт небольшой книгой, очень приметной и именем поэта, и своим составом, заметной «глубокоповерхностной» вступительной статьёй академика Максима Рыльского, портретом автора в рисунке Марии Синяковой и в издании, художником которого предстал вдобавок ещё и сам Дмитрий Исидорович Митрохин [1], видный график и художник книги русского XX века. Подобное, как знают не только литературоведы, но и обычные читатели, нечасто случалось в некрупных провинциальных советских издательствах той поры...

Потом, вслед за изданием «Заветной книги», в том же симферопольском издательстве, – одна за другой – последуют новые книги Григория Петникова, и главное – с удивительной ритмичностью: сборник «Открытие страницы» – в 1963-м [2]; ёмкий «Утренний свет», вобравший избранное поэта 1915-1967 годов, – в 1967-м [3]; ну и последняя прижизненная книга поэта, его «Лирика», – в 1969-м году [4]. И все они будут весьма приметны не только содержанием, но и своим оформлением. В этом ряду, подчеркнём, следует особенно выделить «Открытые страницы» 1963 года, успевшие зацепить своим поэтическим ладом и составом сборника «турбулентность» недолгих внутривосточных идей XXII съезда КПСС, прогремевшего в октябре 1961 года...

Петниковские «Открытые страницы» – это вообще целое книжное событие, потому что обложку и форзацы этой книги сделал Народный артист СССР, известный ху-

дожник и сценограф Николай Павлович Акимов. Фронтистиспис – польский художник Юзеф Вильконь, а титульный лист – крымский график и художник издательства, библиофил Ростислав Голяховский, брат знаменитого московского книжного графика Евгения Николаевича Голяховского. И главное – как же украсил «Открытые страницы» портрет Григория Петникова работы лишь изредка появлявшегося в тогдашней печати блистательного Юрия Анненкова. Ещё важнее то, что «Открытые страницы» – первое прижизненное издание Петникова, представившее читателям несколько программных стихотворений поэта, обобщивших место, время и содержание последних десятилетий его биографии и творчества, – «Их имена», «Весна на площади» и некоторые другие... К содержанию именно этих поэтических текстов мы ещё вернёмся в наших эпизодических заметках.

Окидывая общим взглядом книги Григория Петникова, пришедшие в нашу словесность в 1961-1972 годах, имевшие рецензентов даже в «Новом мире» [8, 717], нельзя не отметить пусть и грустную, но высказанную поспешность мнения о Григории Петникове, как о несправедливо забытом талантливом поэте [11, 83]. Новое свидетельство его незабытости – книга Алексея Тимиргазина «Узорник ветровых событий». И не только свидетельство, но и целенаправленный достойный итог многолетней исследовательской работы автора над биографией и творчеством поэта.

Отметив в начале наших заметок первую вообще книгу Григория Петникова – Петникова-переводчика, мы обозначили другую грань творчества поэта, ставшую немалой частью его жизни и творчества. Нелишне знать, что особенно выделяемый нами сборник поэта «Открытые страницы» даёт в своём постраничном завершении и его «Краткую библиографию», состоящую из двух разделов: книги стихов и переводы. Последний из них включает – в хронологии изданий – книги от упоминавшихся «Фрагментов» Новалиса (1914) до «Закарпатских народных сказок» (1960). Изданный в «Academia», «Михаэль Кольгаас» Клейста (1928) нами уже тоже упоминался, другими – наиболее значимыми – изданиями, отмеченными краткой библиографией переводов, стали сборник «Молодая Германия» (1926) и, что особенно важно, – двухтомное «Полное собрание сказок братьев Гримм» (1949) [2, 85].

Выпускник классической мужской гимназии, Григорий Петников имел прекрасную гуманитарную подготовку, в том числе и языковую. Три иностранных языка были там нормой: два новых и один «мёртвый». Главным новым стал для будущего поэта немецкий, в ту пору – ведущий из европейских языков. Вторым и третьим – соответственно французский и латинский. Українську мову простым житейским обиходом дал, конечно же, Харьков. В детстве ведь это так легко осваивается...

Постигая обстоятельную биографию поэта, нельзя не отметить, что литературный перевод – неотъемлемая часть его творчества, но, несомненно, во втором, заднем, прикладном его плане, хотя и немалого объёма.

«За двадцатилетие с 1935 года по 1955 год было переведено на русский язык больше стихов, чем за всю историю существования русского языка, – писал когда-то в своих литературных воспоминаниях Николай Корнеевич Чуковский (1904-1965). – Переводили главным образом с языков народов Советского Союза; переводили с языков народов социалистического лагеря, сложившегося как раз за это двадцатилетие; переводили и западных поэтов, но почти исключительно классиков; переводили поэтов Китая и Кореи. Этот огромный размах переводческой деятельности был вызван двумя разными, но совпавшими причинами. Одна причина была общественно-политической – сближение народов требовало сближения их национальных культур. Вторая причина заключалась в том, что поэты в эту пору имели очень мало возможностей выразить себя в своём оригинальном творчестве. Переводы стихов давали им возможность заниматься поэзией во всей её сложности и прелести, почти не ощущая механически навязанных извне чуждых искусству давлений и запретов» [6, 6-7], – особенно осторожничал Николай Чуковский, касаясь второй причины, и, мягко говоря, лукавил известный прозаик, утверждая такую «возможность заниматься поэзией во всей её сложности и прелести». Но зато предельно точен он в хронологических рамках времени расцвета русского литературного перевода – с 1935 года по 1955-й. С этим Григорий Петников согласился бы, но в первую очередь с тем, что поэты в ту пору имели, особенно уж мягко говоря, очень мало возможностей для оригинального творчества. Напомним, что своя «эта пора» растянулась у поэта на то же двадцатилетие.

«Отход Григория Петникова от собственного поэтического творчества на два десятилетия также принято объяснять особенностями наступившей эпохи» [6, 7], – отмечает и автор его биографии, уточняя при этом, что поэт «интенсивно занимался переводами и в последние десятилетия своей жизни, когда далеко позади осталось время сталинских репрессий и появилась возможность вернуться к собственной поэзии» [6, 7].

Хрестоматийно известно, что «Октябрьскую революцию Петников встретил восторженно» [8, 716]. И эта известность именно хрестоматийна, потому что до появления книги Алексея Тимиргазина не было у нас обстоятельной биографии поэта, прослеживающей место поэта в революции и Гражданской войне.

«...В год революций нет никого,
Вместе летевшего в быстри дней,
Кроме Григория Петникова,
Кого бы я встретил искренней» [6, 33].

Так писал Николай Асеев в стихотворении, посвящённом другу-поэту, и удерживая в памяти общий для них год 1917-й, правда, имея в виду время меж двух революций.

«Из поэтов одним из первых воспел свершившуюся революцию Петников. Наступившим утром после захвата Зимнего дворца он написал большое стихотворение „Начало Октября“, – отметил биограф поэта. – Через много лет поэт и переводчик Михаил Зенкевич в письме Григорию Петникову подтвердил: „Ведь вы один из первых, а, по-моему, даже первый из поэтов воспевали трёхтрубный крейсер «Аврору», который видели на Неве перед Академией художеств“» [6, 38]. Читая «Начало Октября», нельзя не согласиться с этими оценками. «Таким образом, де-факто Григорий Николаевич Петников претендует на роль родоначальника новой советской литературы. Правда, в последующие годы литературные критики старались не замечать этого факта или иной раз напрямую пытались его дезавуировать, как, например, в одной аналитической статье 1935 года: „Есть у Петникова подразумеваемого периода и стихотворение «Начало Октября», датированное тем же 1917 г. <...> В этом стихотворении революция дана чисто описательно. И хотя поэт фиксирует появление нового без всякой вражды к нему, наоборот, даже с некоторым сочувствием, всё же и это стихотворение не даёт оснований считать Петникова начала октябрьских лет одним из действительно активных поэтов Советской страны, особенно, если мы вспомним, как на Февральский и Октябрьский перевороты активно откликнулись Маяковский и Асеев или даже Хлебников <...> (называю только футуристов, не ссылаясь на пролетарских поэтов)“» [6, 38]. Будем искренни! Кто, скажите, вспомнил бы сегодня конъюнктурно – и политически, заметим, тоже – беспощадного «аналитика» Игоря Поступальского и его статью «От „самовитого“ слова к идейному творчеству», опубликованную в первом номере журнала «Художественная литература» за 1935 год, если бы не цитация в книге Тимиргазина? – Ответ может быть только один: никто! И никогда! Но имя им – легион! На то ведь и светильники, чтобы гасильники в их отсветах брезжили... Притом, в нашем случае, что петниковское «Начало Октября» – программный текст в его творчестве, поэтически ярко схвативший главные эпизоды Октябрьского переворота в Петрограде, или, как трафаретно уточняли прежде, – в колыбели революции... Прав, впрочем, цитируемый «аналитик» лишь в одной детали: пролетарским поэтом Григорий Петников никогда не значился.

«В 1918-19 годах Петников возглавлял Всеукраинский литературный комитет Наркомпроса, был добровольцем в рядах Красной Армии, инструктором политотдела в Крыму. Вместе с А. Чапыгиным создал в 1919-1920 гг. первый русский литературно-художественный журнал на Украине „Пути творчества“, – отмечено в статье о поэте в биографическом словаре «Русские писатели XX

века» [7, 549]. В этот период – в мае 1918-го – выходит первая книга стихов поэта «Быт побегов», месяцем позже вторая – «Поросль солнца». Оценки их были разными: от «фрагментов из великой Библии природы» – до «рецидивов футуристической зауми». «Крыло европейского разума парит над его творчеством», – писал Хлебников об этих книгах Петникова [6, 73], а лучше всего – Бенедикт Лившиц, считавший поэзию Петникова «буйным расцветом самовитого слова, т.е. слова, осознавшего себя как самоцель», а его словотворчество – одним из наиболее высоких путей «подлинной поэзии, ищущей выражения невыразимого» [6, 69].

В Красной Армии, с конца апреля 1919, поэт «был сначала простым красноармейцем, а затем назначен инструктором Политотдела XIV армии, что была создана 5 мая 1919 года для защиты Крыма, являясь Крымской Красной Армией. Служба была недолгой. В июне 1919 года «Петников благополучно отступил вместе с Красной Армией из Крыма, но вскоре заболел тифом» [6, 63], получил осложнение на ноги и вернулся в Харьков, возобновив здесь, спустя недолгое время, издание журнала «Пути искусства».

«Это почти неизвестное сегодня издание в своё время было значительным явлением литературы. На его страницах публиковались произведения Николая Асеева, Бориса Пастернака, Георгия Шенгели, Осипа Мандельштама, Алексея Гастева, Андрея Белого, Велимира Хлебникова. Оформляли и иллюстрировали журнал Мария Синякова, Юрий Анненков Казимир Малевич, Василий Ермилов», – отмечает биограф поэта [6, 66].

Следует подчеркнуть, что реалиям и деталям биографии Петникова в первые советские годы в книге Тимиргазина посвящены сразу четыре обстоятельных главы – от «Червоного запева» до «Молодости мира». И это точный ход, потому что историко-литературная реконструкция этого периода биографии поэта требовала не просто аналитики наличествующих свидетельств времени, но серьёзной исследовательской работы, и в первую очередь – разыскания, сбора и формирования её источниковедческой основы. И с этим автор биографии поэта образцово справился, показательным результатом и лучшим свидетельством тому и стала его книга «Узорник ветровых событий».

Делая небольшое отступление, хочется отметить, что в нашем тексте уже мелькало имя Марии Синяковой. Говоря о Петникове, эту фамилию невозможно обойти, потому что её носители – харьковское семейство – «было большим, талантливым, пёстрым по характерам, острым на язык и экстравагантным, – короче, таким, мимо которого пройти было невозможно. <...> в Харькове сёстры Синяковы были своего рода местной достопримечательностью. Во всяком случае, их семья была настолько популярна, что приехавший в Харьков для поступления в

на филфак университета Николай Асеев, услышав о них как о любителях искусства, счёл своим долгом явиться к ним с визитом. <...> Сёстры были хорошо воспитаны: „Могли изысканным обращением просто убить“, – вспоминал один из современников [10, 192-193].

Синяковы – это дочери купца Михаила Ивановича Синякова. «Пять сестёр – Зинаида, Надежда, Мария, Ксения и Вера – привлекали к себе всеобщее внимание неповторимым сочетанием красоты и таланта. Старшая, Зинаида (в замужестве Мамонова), окончила Харьковское музыкальное училище и Московскую консерваторию, стала известной оперной певицей. Вторая сестра, Надежда, закончила музыкальное училище по классу фортепиано. В 1912 году она вышла замуж за художника Василия Ивановича Пичету. Третья сестра, Мария, изучала в Германии живопись немецких и нидерландских художников, стала известным художником, оформляла книги. В 1914-м она вышла замуж за художника Арсения Моисеевича Уречина. Четвёртая сестра, Оксана, стала женой поэта Николая Асеева, а младшая дочь, Вера, в 1916 году вышла замуж за Григория Петникова. Недалеко от Харькова, в Красной Поляне, у Михаила Ивановича Синякова была небольшая дача, где у сестёр Синяковых побывали многие выдающиеся представители русской культуры» [6, 17].

Именно на даче у сестёр Синяковых и познакомились в 1912 году молодые поэты Григорий Петников и Николай Асеев. Именно Марии Синяковой мы признательны за серию портретов Петникова разных лет, отмечая их и в изданиях поэта.

«В начале 1920-х годов Харьков, столица Украины, был крупным культурным и литературным центром. Там издавались русские и украинские газеты, общественно-политические и литературно-художественные журналы, появилось одно из первых в Советском Союзе объединение писателей. В Харькове жили и работали известные русские и украинские писатели Алексей Чапыгин, Владимир Сосюра, Алексей Гастев, из Одессы переехали Валентин Катаев, Юрий Олеша, Владимир Нарбут. Деятельное участие в литературной жизни города по-прежнему принимал Григорий Петников. С середины 1920 года он работал председателем харьковского Гублиткома и заведующим редакционно-издательским отделом Губоно, активно выступал в печати» [6, 84].

Говоря о первой половине 1920-х годов, отметим, что творческая жизнь Петникова в этот харьковский период была очень насыщенной. Однако в 1925 году поэт переезжает в Ленинград. Здесь он будет жить шесть лет, широко печатаясь в ленинградских и московских журналах, в некоторых газетах, работая в издательствах «Всемирная литература» и «Academia», продолжая участвовать и в литературной жизни Украины. Известны также его выступления в зарубежных журналах – в берлинском «Der

Sturm», белградском «Zenit», нью-йоркском «Красная стрела» [7, 549]. В этот период вышли из печати его поэтические сборники «Ночные молнии» (1928) и «Книга избранных стихотворений» (1930), а в переводах – упоминавшиеся выше «Молодая Германия» (1926) и «Михаэль Кольгаас» Клейста (1928). В этом же ряду – известность поэта, широкие литературные связи...

Казалось бы, вполне успешная творческая судьба и благополучная советская биография. Однако реалии советской литературной жизни, её партийные идейно-творческие установки и директивные требования поэт постигал с заметным трудом, не поспевая за «кораблём современности», не встраиваясь в его кильватер.

Рецензируя «Книгу избранных стихотворений» Петникова, изданную в Харькове в 1930 году, литературный критик Анатолий Тарасенков писал тогда же в журнале «Книга и революция»: «Культурный и талантливый поэт Григорий Петников, имеющий за своими плечами более 10 лет работы, принадлежит к школе Пастернака. А школа Пастернака представляет собою, несомненно, лучшую интеллигентски-буржуазного импрессионизма. Творческий метод этой школы – субъективный идеализм. Отдельные явления внешнего мира воспринимаются Петниковым как отдельные разорванные детали, сложно преломлённые эстетски-рафинированным сознанием поэта. <...> Действительность, как таковая, как объективное бытие, для Петникова не существует. <...> У Петникова есть отдельные, но весьма неактивные, весьма слабые попытки хотя бы тематически приблизиться к современности в самом общем смысле этого слова. <...> Политически Петников пытается ориентироваться на „кряжистый Октябрь“. Однако эти весьма мало отчётливые и, к тому же, чисто декларативные заявления ни в какой мере ещё не знаменуют преодоление идеалистически-субъективного эстетски-созерцательного творческого метода, которому подчинено творчество поэта. Реальных предпосылок же этого преодоления в творчестве Петникова увидеть при всём желании сейчас невозможно» [6, 106, 108], – безнадежно, похоже, констатировал литературный критик. Что, кстати, было вполне обычным в условиях жёсткой литературной борьбы того времени.

В 1931 году Петников вернулся в Харьков, в своё жильё на Старо-Московской улице. «Начало и середине тридцатых годов можно назвать временем расцвета творчества Петникова, – утверждает биограф поэта. – Он издаёт новые поэтические и переводные книги, регулярно публикуется в литературных журналах, альманахах и сборниках Украины, Москвы, Ленинграда» [6, 116]. Новый литературно-художественный журнал оргкомитета Союза советских писателей Украины «Советская литература», издававшийся в Харькове с 1933 года, на протяжении нескольких лет публиковал стихи и переводы поэта, одно время состоявшего и в редколлегии этого журнала.

В 1934 году в Харькове выходит сборник стихов Григория Петникова «Молодость мира»; в 1935-м, в киевском Госиздате Украины, – «Стихотворения»; а в 1936-м, в Москве, в Государственном издательстве художественной литературы, – 200-страничный сборник «Избранные стихи»... И это выразительно характеризует заметную творческую активность поэта.

Всем известно, однако, что в первой половине 1930-х годов общественно-политическая ситуация в стране стремительно менялась. «Начиналась эпоха тотальной диктатуры государства во всех сферах жизни. В 1932 году вышло постановление ЦК ВКП(б) „О перестройке литературно-художественных организаций“, положившее начало полному подчинению литературы государству и партии большевиков. Все прежние литературные организации и группы были ликвидированы, создан единый Союз советских писателей, собравший в 1934 году первый съезд. Основным методом советской художественной литературы становился социалистический реализм, требующий от художника правдивое, исторически конкретное изображение действительности в её революционном развитии» [6, 117]. Иначе говоря, как писал в ноябре 1934-го в «Литературной газете» критик Н.Ростовцев, «детский период советской литературы уже закончился». И тот, кто этого не понял, должен был неизбежно выпасть из числа действительных творцов художественной литературы того беспощадного времени [6, 119].

Поэт яркой и сильной творческой индивидуальности, Григорий Петников вполне улавливал ритмы и реалии нового литературного времени и его задачи. Поэтому, как отмечает биограф поэта, имея в виду сборники поэта «Ночные молнии» и «Молодость мира», «сразу несколько литературных критиков в середине тридцатых годов пытались в своих статьях примирить творчество тонкого лирика с требованиями времени. <...> „Нет сомнений, что т.Петников в своей дальнейшей творческой работе сумеет мастерски соединить свою значительную культуру стиха с нашей социалистической тематикой и станет обеими ногами на почву советской реалистической поэзии“» [6, 124]. Тем более что ещё в 1917 году «на помощь поэту пришла Октябрьская революция, взяв его в свои маршруты, изменив ему язык и тематику и избавив от опасности примкнуть к символизму или к „бунинскому псевдопушкинизму“» [6, 121].

Приходится признать, что этим «аналитическим прощесствам» литературных критиков и литчиновников не суждено было сбыться. Петниковские эстетика и понимание целей стиха, устремлений и содержания поэзии, его поэтическая и мировоззренческая культура – кредо, наконец, – были иными, а собственное восприятие жизни определено лаконично и образно точно:

Мы живём, как в отсвете метаний

В этом алом лоне лет...

Поэтому сборник «Избранные стихи» (1936), обозначивший двадцатилетие литературной деятельности, стал последней книгой поэта. На целую четверть столетия вперёд! Огромный период времени, нередко вбивавший всю авторскую жизнь в поэзии...

Говоря о последующих годах жизни поэта, нельзя не отметить, что «в эти годы он несколько раз менял города. Осенью 1937-го Григорий Николаевич Петников, 43 лет, вступил в брак с Екатериной Кузьминичной Шевченко, 23 лет. Брак зарегистрировали в горзагсе Севастополя (!). Екатерина Кузьминична работала преподавателем украинского языка в начальных классах в Салтове (!), где и познакомилась с Григорием Николаевичем. 18 августа 1938 года в Путивле (!) у Григория и Екатерины родилась дочь Марина. <...> Осенью 1938-го Григорий Николаевич с женой и дочерью поселились в подмосковном Малоярославце (!). <...> После добровольной ссылки за 101-й километр [от Москвы – Р.Т.] основным занятием Григория Петникова на многие годы стали литературные переводы и фольклор» [б, 150-151]. Как известно, такая «охота к перемене мест» в условиях не прекращавшихся массовых репрессий в те годы многим просто спасала жизнь... Да и по разряду украинских поэтов Петников, конечно же, никогда себя не числил.

В годы Великой Отечественной войны Петниковы были в эвакуации. Сначала в Нальчике, что в Кабардино-Балкарии, затем в Средней Азии – в селе Мерке Джамбульской области, какое-то время поэт работал во Фрунзе, в Киргизии. «По поручению Обкома ВКП(б) в 1941-1942 годах на Северном Кавказе Григорий Николаевич принимал деятельное участие в выпуске „Окон ТАСС“. В архиве поэта сохранилось несколько напечатанных на машинке стихотворений, написанных для этой серии агитационных плакатов» [б, 153]. «В 1942 году в Каббалкгосиздате вышли два сборника, составленные Петниковым: „В огне Отечественной войны“ и „Народ смеётся“. Как указывал поэт в автобиографии, написанной 1 февраля 1954 года в Москве: „Они, книжки эти, были матерьялом, мобилизующим трудящихся Кабардино-Балкарской АССР на оборону нашей родины против немецко-фашистских банд, за что я был награждён Верховным Советом боевой медалью „За оборону Кавказа“. Петников выступал на радио со стихами, посвящёнными обороне Северного Кавказа, читал стихи и проводил беседы с ранеными в военных госпиталях» [б, 155].

В годы войны харьковская квартира Петникова на Старо-Московской была разграблена, большой архив поэта утрачен. Новый добротный дом, построенный Петниковыми в 1940-м в Малоярославце, что в Калужской области, сгорел «вместе с накопившимся к этому времени обширным архивом, картинами и библиотекой...» [б, 152]. Вернувшись из эвакуации, «в 1945 году в Малоярос-

лавце семья с большими трудностями построила себе небольшой дом с двумя комнатами. Как писала Екатерина Кузьминична Петникова поэту Николаю Тихонову уже после смерти мужа: „Мы построили, отказывая себе буквально во всём, маленький домик в 20 кв. метров: комната мужа 8 кв. метров и наша с дочкой 12 м. Никаких удобств. Жили трудно. Я посадила сад и огород“» [б, 169].

Печатали поэта нечасто, да и то, как отмечает биограф, лишь в журнале «Крестьянка» и в областной газете «Знамя». Выживали за счёт огорода с садом да литературных переводов.

«В послевоенные годы город Малоярославец был переполнен ссыльными и являлся местом многих интересных и неожиданных встреч» [б, 178], что нередко позволяло восстанавливать родственные, дружеские и литературные связи.

После смерти Сталина в стране начались ощутимые перемены, ссыльные постепенно покидали Малоярославец и другие города Подмосковья, находившиеся за стокилометровой чертой от Москвы. Это ощутимо меняло социальную структуру их населения. В заметно худшую сторону, конечно... Всем ведь известно, кого в основном выселяли тогда, да и потом, из Москвы за 101-й километр... Поэтому подумывали о переезде и Петниковы. Однако с Москвой не получилось, с Киевом тоже, и даже с Феодосией... В августе 1958-го купили домик в Старом Крыму. Хороший, новый, – были довольны. Как отметил биограф поэта, годы жизни в Крыму стали временем поэтического ренессанса Григория Петникова [б, 185]. Такое определение представляется очень точным.

Послесталинская «оттепель» в своём движении неуклонно вела к демократизации внутривластной жизни в стране, и это осязаемо прибавляло социального оптимизма. В феврале 1956-го состоялся знаменитый XX съезд КПСС. Итогом его стало постановление «О преодолении культа личности и его последствий», принятое 30 июня того же года и подтверждавшее курс партии на продолжение преобразований в стране. Конечно, цензуру никто не отменял, партийное единовластие и диктат в управление всеми сферами жизни оставались незыблемыми, но страна и общество освободились от наследия прошлых десятилетий, от беззакония и произвола. Программные установки беспрецедентного XXII съезда КПСС, состоявшегося в октябре 1961-го, дали новые мощные импульсы этому процессу.

Интересно отметить, что долгожданнейшая «Заветная книга» Григория Петникова была сдана в издательское производство 14 июля 1961 года и подписана в печать 15 ноября 1961-го, представ именно знаком нового времени. Впрочем, возвращение поэта обозначилось раньше – именно в середине 1950-х. И лирикой, и углублённым поэтическим умозрением, и даже его эпиче-

ским значением.

Вот первая строфа большого девятистрочного стихотворения «Их имена», украсившего емкостью своего содержания очень заметный сборник поэта «Открытые страницы»:

Пора наветов, страха и беды
Прошла!.. А в глубине остались
Пропавших лет упорные следы,
Которые быльём не порастают... [2, 58-59].

Стихотворение это имеет точную датировку: август 1956. Кто, скажите, так честно, откровенно и бескомпромиссно дал образ времени, составившего целую безмолвную эпоху? Только Петников! Тогда, заметьте, – ещё в середине 1950-х... Потом будут социально заострённые и «Весна на площади», и «Когда умирает сердце», и другие. А главное, незабываемой, как и прежде, останется работа поэта над возможностями рифмы и ритмики, общего лада стихосложения, представавшая в его новых стихах. Это и называется поэзией, где слово, как известно, – не средство, а цель.

Человеческая биография Григория Петникова была безукоризненна, литературная – без заказных, конъюнктурных и классово-идеологических предубеждений и оценок – тоже, как и личное доверие к поэту в широком кругу его дружеских и литературных связей и наяву, и в переписке. Вот, для примера, фрагмент письма Бориса Лавренёва Петникову от 28 января 1958 года, где автор весьма откровенно оценивает деятельность правления Союза писателей СССР: «От особняка на улице Воровского тянет явственным душком густого дерьма и скоро особняк в нём утонет, к счастью для литературы

и человечества» [6, 334]. Эпистолярное наследие поэта и его корреспондентов, широко используется в структуре биографии поэта, представшей книгой Алексея Тимиргазина. Впервые публикуемые, тексты эти, имея немалое историко-литературное и документальное значение, представляют и самостоятельный интерес.

Григорий Николаевич Петников не оставил своих литературных воспоминаний, но они есть, и немалые. И тоже – в его эпистолярном наследии, во взаимной переписке, широко представленными в «Узорнике ветровых событий». Они, эти воспоминания, тоже могут составить отдельный интерес, а сведённые вместе – и книгу. На наш взгляд, автор «Узорника...» сразу понял единственность и значение этих текстов, изысканных именно в результате его многолетней и скрупулёзной исследовательской работы над биографией поэта.

В разные годы крымской жизни Григорий Петников писал свои лаконично яркие «Трёхстишия», составившие со временем отдельную тетрадь. Двадцать восемь из них были опубликованы в юбилейном сборнике поэта «Утренний свет: 1915-1967» [4, 295-299], шестьдесят два – в посмертном издании «Пусть трудятся стихи: (Избранное)» [5, 133-140], названном именно стихом из давнего одноименного трёхстишия, опубликованного ещё в 1967-м [4, 299], но ставшего завещанием поэта:

Пусть трудятся стихи
И после смерти:
Читая их, беседуешь со мной.

Беседовать с Григорием Николаевичем Петниковым не просто приятно, но очень интересно. Биография поэта это доказательно и впечатляюще подтверждает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петников Г.Н. Заветная книга. / Предисл. М. Рыльского. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 152 с.: портр. автора.
2. Петников Г.Н. Открытые страницы. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 88 с.: портр. автора.
3. Петников Г.Н. Утренний свет. 1915-1967. / Предисл. Н.С.Тихонова. – Симферополь: «Крым», 1967. – 304 с.: портр. автора.
4. Петников Г.Н. Лирика. / Предисл. изд. – Симферополь: «Крым», 1969. – 96 с.: портр. автора.
5. Петников Г.Н. Пусть трудятся стихи: (Избранное). / Предисл. изд. – Симферополь: «Таврия», 1972. – 144 с.: 2 портр. автора.
6. Тимиргазин, Алексей. Узорник ветровых событий: Поэт Григорий Николаевич Петников. – Феодосия-М.: ИД «Коктебель», 2019. – 384 с.: ил.
7. Терёхина В.Н. Петников Григорий Николаевич. / Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А.Николаев. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; «Рандеву – А.М.», 2000. – 808 с.: ил.
8. Скуратов Б.Б. Петников, Григорий Николаевич. / Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: «Советская Энциклопедия», 1968. Т.5: Мурари-Припев. – 976 стб.: ил.
9. Сапрыкина Е.Ю., Александров А.А., Смирнов И.П. Футуризм. / Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: «Советская Энциклопедия», 1975. Т.8: Флобер-Яшпал. – 1136 стб.: ил.
10. Яськов, Владимир. Хлебников. Косарев. Харьков. Синяковы. Одесса. Добавления. / Двуречь: Харьков – Санкт-Петербург. Литературно-художественный альманах. – Харьков: «Крок», 2004. – 240 с.: ил.
11. Березарк И.Б. Память рассказывает: Воспоминания. – Л.: Советский писатель», 1972. – 176 с.

© Татаринцева Регина Игоревна (regina_tatarinceva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»